

Предпраздничная суэта перед Пасхой — мое любимое время. Когда всеми фибрами души чувствуешь, что чудо вот-вот свершится, ждешь его с нетерпением и радостью, как в детстве подарков на день рождения...

И вот — уже Великая суббота, в которую обязательно надо выспаться, чтобы бодрствовать всю долгую пасхальную ночь. Мама с утра у плиты, колдует над курицей. Мы же заказали сациви! Это блюдо под силу только ей — она волшебница. А еще, мне кажется, ей приятно его готовить — ведь оно навевает воспоминания о том, как она маленькой девочкой жила в Грузии со своими родителями. Еще будет фирменный паштет, рецепт которого знают только мама, бабушка и теперь, похоже, и я... Все это варится, клопочет, смальвается, перекладывается из одной сковороды в другую...

А мне очень хочется есть, поэтому я верчусь на кухне — вроде помогаю. Как только мама приоткроет крышку, покажет уже наполовину готовое блюдо, на меня тут же пахнет мясными ароматами. Я просто пьянею от этого запаха и ожидания завтрашнего дня. И уже не хочется есть постный фасолевый суп, который сварен специально для Великой субботы, а возникает желание впиться зубами в румяный кусочек курочки. Но

нельзя! Сорок дней постилась — так неужели испорчу все одним кусочком? Надо еще потерпеть!

Мама улыбнется, погладит по голове, снимет фартук и пойдет немножко отдохнуть за книжкой. А мы с мужем остаемся на хозяйстве. Что входит в наше ведомство? Салаты... Мой любимый — с морковью, сыром и грецкими орехами. Настоящее лакомство! Его любимый — «под шубой». Чистим, трем, режем, складываем... И опять на смену нам приходит мама — печь куличи. У нее они особенные. Особенно вкусные. Пахнут апельсинами. Она всегда волнуется, когда вынимает их из духовки — в нескольких формах (побольше, поменьше — для родственников, на работу, для дома), — получились ли, пропеклись, поднялись ли как надо? Не помню случая, чтобы не получились — не пропеклись или не поднялись. Они всегда держат форму, а сверху украшены глазурью и разноцветной присыпкой. И всегда, если новый человек пробует мамины куличи, спрашивает потом рецепт. А яички мы с мужем покрасили еще в четверг — они красуются на блюде в зале — красные, желтые, зеленые, голубые — с наклейками и без. Там же самые полезные, не для красоты, а для еды — коричневые (сваренные в луковой шелухе), блестящие от подсолнечного масла...

И вот ближе к одиннадцати вечера все наряжаются. Папа, уже одетый в парадную одежду, фотографирует маму, стоящую перед зеркалом в розово-красном платке. Мама спрашивает меня:

— Поль, у тебя невидимки есть платок заколоть?

— Сейчас попошу, — откликаюсь я из комнаты и тут же начинаю рыться в своих спутанных резинках-заколках-шпильках.

Наконец выживаю нужное, отдаю ей. Она придирчиво оглядывает себя в зеркало, поправляет челку — вроде так лучше.

Надеваю верхнюю одежду. Мама выходит первая, не может ждать, пока мы копаемся — то одно забыли, то другое, — ее душа уже стремится на праздник. Она спускается по лестнице, стучит каблукками по ступенькам. Вдруг возвращается испуганная:

— Там на лестнице кто-то лежит.

Папа и муж отправляются на разведку вниз по лестнице.

— Живой? — спрашиваем мы сверху.

— Живой. Это дружок соседа Димана — чуток перебрал. Рано праздновать начал.

Мы с мамой спускаемся на лифте, чтобы больше не сталкиваться с уже празднующим. Благополучно садимся в такси. Таксисты общаются по рации, а мы невольно слушаем.

— Столько заказов...

— Ага. Люди весь год грешили, а сегодня решили грехи замолить.

— Ну пусть и за нас замолят.

Около каждой церкви по наряду милиции. Проверяют, чтобы никто не пронес с собой опасных предметов. И нас проверяют — заглядывают в коробку с яичками и куличом, которые мы принесли для освящения.

Пятнадцать минут двенадцатого. Церковь полна до краев. Все довольные, бодрые. Знакомых бабулек сегодня не узнать — принарядились: — кто блузочку парадную надел, кто платок поярче повязал. Все улыбаются, перешептываются. Служба началась.

Из боковой двери выходит отец Георгий, подзывает к себе некоторых мужчин — кому хоругвь нести, кому — фонарь. Мужу дал хоругвь, а папе — древко с крестом.

Потом подошла очередь женщин — маме дал в руки древко с иконой Богородицы. Очень почетно. И меня подозвал отец Георгий — поручил нести икону Филарета Ичалковского. Мне приятно, что и про меня отец Георгий не забыл. А икона — тяжелая. Поначалу-то нормально кажется, по силам, а потом все больше руки начинают оттягивать. Да еще платок все время спадает. Мама мудро заколола невидимками, а я...

Стоим мы посреди толпы, передвинувшись поближе к дверям, ждем своего часа. Люди вокруг все со свечами,

смотрят на нас. Наконец шествие начинается. Алтарник Василий идет с фонарем впереди — освещает путь остальным. За ним несут крест и Богородицу родители, потом хоругви, потом мы парами с иконами... И так хорошо знать, что впереди есть два моих личных ориентира. Папа чуть-чуть улыбается, а мама идет серьезная, но светится изнутри, это очень заметно. И муж где-то рядышком, справляется с ролью хоругвеносца — преодолевает препятствия в виде веток деревьев и проводов. Потихоньку обходим всю Георгиевскую церковь. За оградой тоже много-много людей — в основном не верующих, а любопытных. Но и до них долетают отголоски праздника, и они иной раз откликаются, когда ровно в полночь звучит с церковного крыльца:

— Христос воскрес!

— Воистину воскрес!

И так радостно становится на душе, так весело. Как будто внутри голос какой-то говорит: «Дождались наконец-то!»

Заходим в церковь, забирают у меня из рук икону. Первое время руки не сгибаются после почетной ноши, как чужие. Но это не страшно, быстро проходит.

Все становятся плотно — затылок в затылок. Потому что хотят видеть, что происходит за Царскими воротами, все хотят поучаствовать в празднике и громко ответить отцу Георгию: «Воистину воскрес!» И много раз поется праздничный тропарь. С каждым часом все труднее стоять, все сильнее хочется спать, а под конец уже и народу не так много остается, кто к стеночке привалился, кто за скамейку держится. Но так же неугомонно и празднично звучит тропарь, ведь с клироса руководит матушка Лариса. И вот прочитаны поздравления патриарха и владыки Варсонофия, служба кончается, люди тут уж оживляются понемножку — выстояли... Кто не освятил еще яички, куличи и пасхи, достает из сумок праздничное разноцветье. Все идут крест целовать не по очереди, а толпой, подставляют яички для святой воды, но отец Георгий и хозяина побрызгает, разбудит окончательно. За окнами ночь, а в церкви тепло и светло. И так празднично на душе!

А потом почти все садятся за общий стол, во главе которого отец Георгий. Читается молитва, и можно наконец попробовать освященное яичко. Мою любимую жареную курицу с чесночком с тарелок расхватывают очень быстро. Видно, у Николая, сидящего напротив, это тоже любимое лакомство — мы с ним конкурируем «по курице». А мама рядом советует попробовать голубцы — уж очень хороши. И я кладу себе в тарелку один аппетитный голубчик. И мужу подкладываю. Только объесться нельзя после поста — а то плохо может стать. А не объесться невозможно...

Ближе к шести утра возвращаемся домой уставшие до предела. Плюхаемся в кровати, а мама, как самая ответственная и стойкая, остается еще на раздачу яичек. Она, бедненькая, засыпает в кресле, где ее застает первый звонок. Слышу только из комнаты звонкий детский голос:

— Христос воскрес!

Потом мамин, спокойный и радостный одновременно:

— Воистину воскрес!

И опять засыпаю...

К обеду мы выползаем из своих комнат, сонные и счастливые, проворно вытаскиваем колбасу из холодильника — теперь можно полакомиться. Между тем пора накрывать на стол — скоро придут гости. Гости — это наши родственники, тетя и моя двоюродная сестра. Они не постятся и смотрят на нас, когда мы набрасываемся на праздничную еду, как на людей с некоторой долей сумасшествия. Однажды я попыталась объяснить сестре, что вкус продуктов после поста другой. Но она не поняла меня. Когда-нибудь поймет, я уверена, но только если пройдет этот постный путь лично. А мама говорит, что во время поста хлеб ей кажется особенно вкусным. Мне тоже так иногда кажется.

Тетя рассказывает, сколько к ним ребятишек пришло за яичками и конфетами. И я вспоминаю свое детство, когда мы с подружкой Ленкой бегали по этажам и будили всех соседей, трезвоня в двери. Если долго не открывали, Ленка — нетерпеливая душа — колотила в дверь своими крепкими кулачками. Больше всего мы в то время радовались жвачкам и гордились, если они нам доставались, дразня менее удачливых собирателей. Эта история из моего детства смешит всех за столом. Мы с мужем наелись от пуза и сидим довольные, но можем вылезти со своих мест. И думаем о том, что еще

целых сорок дней праздника! Счастливых дней, когда жизнь кажется светлее и теплее. Возникает какое-то внутреннее чувство, которое сложно объяснить словами. Оно просто есть, и это важно.

В этот же пасхальный день (из-за бессонной ночи он кажется огромным) родители едут к бабушке на такси — с ней тоже надо разделить радость. А другой бабушке мы звоним на Украину, и я представляю ее лицо в обрамлении рыжих кудряшек, когда она по телефону учит меня радоваться каждому дню и ценить то, что у меня есть. Как же хорошо, когда можешь разделить праздник со своими родными...

С того счастливого времени прошло несколько лет. И теперь на Пасху дома не витают ароматные запахи апельсиновых куличей и сациви, хотя мы, конечно, накрываем праздничный стол. Но уже невозможно то счастливое настроение, та полнота чувств, которая была всего пару лет назад. А все потому, что нет больше рядом мамы, которая умела так искусно и незаметно устроить быт и так умело организовать нас... Нет и бабушки на Украине, которая была способна разделить с нами радость даже на расстоянии тысячи километров.

Но Великий Праздник остался. Праздник, который всем дает надежду. Ведь Господь спустился к мертвым и открыл им двери... И я точно знаю, что живые души на небе тоже празднуют вместе с нами. Не могут не праздновать! И я уверена, что мама там, в своем розово-красном платочке, надежно приколотом моими невидимками, крепко сжимает в руках древко с иконой Богородицы и радуется празднику праздников. И бабушка, тоже в нарядном платке, стоит где-то неподалеку, со свечой в руке, и улыбается своей доброй открытой улыбкой. Они радуются, понимают и разделяют этот праздник, может быть, даже больше, чем мы здесь, на Земле.

